

«БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ИСТОРИЯ ДЛИНЮЮ В 30 ЛЕТ

Ференц Мисливец

1989–2019. Тридцать лет спустя: возвращая очарование Европы?

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникшие в результате многомерных и взаимосвязанных процессов транзита в странах Центральной Европы, ставшие результатом их интеграции в ЕС и подрывного влияния турбулентного капитализма. На протяжении десятилетий до и после «года чудес» Европа и европейская интеграция были для всего мира образцом мирной региональной интеграции. Поскольку видение будущего у «старой» и «новой» Европы различалось, а также под действием непредвиденных внешних и внутренних вызовов и растущей мировой неопределенности, «европейская мечта» сменилась «европейским разочарованием». Мы, оценивая изменения последних тридцати лет, по-прежнему задаемся вопросом: может ли Европа избежать дальнейшей дезинтеграции и вернуть свой статус образца регионального сотрудничества? Может ли эта ситуация стать окном возможности в направлении возвышения роли стран Центральной Европы?

Ключевые слова: солидарность, региональное сотрудничество в Центральной Европе, интеграция, Общий европейский дом, парадигма национального государства, европейское гражданское общество, неопределенность, трансформация.

Вилла Стирлинга, «Новая разрядка» и европейское гражданское общество

События, произошедшие за последние тридцать лет, как и их причины, требуют тщательного осмысления, научных исследований, детального анализа и рационального обсуждения. Мы должны попробовать вернуть Европе ее очарование, особенно если хотим продолжить прерванный процесс европейского строительства. Как давным-давно предупреждал нас Ральф Дарендорф, нельзя полюбить «холодный» проект, как, например, общий рынок. Понимание причин неудачи может помочь нам в определении новых методов и, возможно, новой формы и более определенной цели для нашего общего проекта. Мы не можем быть уверены в том, что это произойдет, но мы даже не узнаем этого, если не попытаемся. Единственное, в чем мы можем быть уверены — европейское строительство не может и не будет продолжаться по старым лекалам.

На фото, сделанном в ноябре 1987 года — небольшая компания молодых людей, взглядывающих в камеру — и в свое будущее — с оптимизмом и уверенностью. Они стоят перед виллой Стирлинг в Велеме — крохотном населенном пункте в Западной Венгрии, между Кёсегом и Сомбатхеем, на границе с Австрией (тогда еще закрытой «железным занавесом»). На фото участники одного из «Велемских выходных» — серии встреч студентов колледжей и интеллектуальной элиты из среды демократической оппозиции для обсуждения вопросов, которые выхо-

Фото из частной коллекции автора, сделанное в ноябре 1987 года.

В центре — автор статьи, Ференц Мисливец; справа, на переднем плане — Виктор Орбан.

дили за рамки университетской программы эпохи позднего социализма¹. В рамках этих встреч поднимались темы антисемитизма в Восточной и Центральной Европе, революции 1956 года в Венгрии, Пражской весны 1968 года и интервенции сил Варшавского договора, создания Хартии-77, польского движения «Солидарность», Движения за мир в Европе и Европейской сети Диалога «Восток-Запад». Встречи были инициированы небольшой группой активистов, которые верили в идею самоорганизующихся обществ и связывали будущее европейской демократии с горизонтальной трансграничной кооперацией.

Жизненный путь членов этой компании говорит сам за себя: молодая девушка слева была главным организатором автономного студенческого самоуправления (*szakkollégium*) в Сомбатхее. Молодой человек справа — студент колледжа им. Иштвана Бибо, который вскоре станет активистом «ФИДЕС» (Партия молодых демократов, созданная в марте 1988 года) и, впоследствии, главой ее избирательной кампании. Сейчас он является послом Венгрии в Австрии. Справа, за его спиной, стоит генеральный секретарь Молодежной коммунистической организации Венгрии (KISZ), которая тщетно пыталась трансформироваться в молодежную демократическую организацию. Рядом с ним — молодой член Венгерской социалистической рабочей партии, впоследствии Социалистической партии Венгрии (MSZP), и депутат парламента по результатам недавно прошедших демократических выборов. Рядом с ним — студент из Сомбатхея, в настоящий момент — председатель регионального правительства области Ваш от партии ФИДЕС. На первом плане в центре стоит молодой человек с короткой стрижкой и усами, в те времена бывший неформальным лидером студенческого самоуправления в колледже им. Иштвана Бибо. В настоящий момент, как и все последние десять лет, он является премьер-министром Венгрии.

В то время, когда была сделана фотография, у них были все основания для оптимизма: студенческое движение набирало обороты; реформистское крыло распадающейся Социалистической рабочей партии отчаянно пыталось организовать «кружки реформ» по всей стране, выстраивая диалог с местными сообществами по поводу будущего Венгрии; Молодежная коммунистическая организация, надеясь выжить, выступила за открытость и перемены, став предвестником демократических реформ; студенты были вовлечены в различные движения, которых становилось все больше и больше. Каждый человек на этом фото знал,

1 Университетская программа в общественно-научной сфере в то время не допускала дискуссии о значимой современной литературе, затрагивающей острые общественные и политические вопросы.

что перемены неотвратимы и что он сыграет в них свою роль. Впрочем, сохранялась и некоторая неопределенность. Встреча в Велеме была связана с созданием национального демократического студенческого движения (*Szakkolégiumok Országos Hálózata*). Организаторы пригласили Имре Пожгаи, наиболее благосклонного к реформам члена Центрального комитета Социалистической партии. Визит Пожгаи не состоялся из-за запрета Кароя Гроса, консервативно настроенного секретаря партии. В связи с этим даже появился слух, что Грос намерен закрыть организации студенческого самоуправления. Вместо Пожгаи прибыл Имре Надь, молодой, скромного вида руководитель комсомола (KISZ), который был направлен в Велем с целью убедить собравшихся в самых лучших и исключительно демократических побуждениях своей организации и ее готовности к диалогу с местными движениями и гражданскими инициативами.

Студенческие лидеры, запечатленные на фотографии, готовились к своей первой встрече на международном уровне, организованной совместно с Европейской сетью Диалога «Восток-Запад», которая должна была пройти всего через несколько дней в ноябре 1987 года. Конференция, названная «Новая разрядка» (*New Detente*), перекликалась по идее с заявлениями Горбачева о наступлении новой эпохи. Несмотря на то, что руководство университета запретило проведение конференции, она все же состоялась в музыкальной школе в центре Будапешта. Присутствие журналистов из таких влиятельных новостных служб, как Reuters, UPI и AFP, также не позволило руководству университета вмешаться. Студенты Колледжа Бибо пригласили по два делегата от каждой организации, поэтому ведущие фигуры демократической оппозиции, такие как Дьёрдь Конрад и Миклош Харасты, сидели рядом с делегатами от Коммунистической партии (MSzMP), разделявшего демократические идеи Народного патриотического фронта и неотступно контролируемого властями Венгерского совета мира.

Молодой, никому не известный студент, стоящий в центре залитой светом фотографии, несколько раз повторил собственноручно написанную речь на английском. Эта короткая, но яркая речь вывела Виктора Орбана в центр внимания мировой общественности. Немолодые, догматичные активисты демократической оппозиции от городов начали уходить в тень молодого поколения активистов, преимущественно представлявшим провинцию².

2 Моя роль состояла в том, чтобы способствовать встрече западных активистов в сфере прав человека и поддержания мира с членами венгерских студенческих организаций. Это стало уникальной возможностью создать сетевую структуру из сетевых структур, усиливая общественное и политическое воздействие по обе стороны «железного занавеса».

Представители Запада на конференции, такие как Корнелиус Касториадис, Федерико Аргентьери, Мэри Кальдор, герой митингов против войны во Вьетнаме Джим Скелли и лидеры европейских мирных движений, гражданские активисты и бывшие члены Европейского парламента, такие как Дитер Эше, были зачарованы энергией и организационными способностями представителей принимающей стороны. Руководство университета отозвало свой запрет за день до начала «Новой разрядки» и предложило провести встречу в прекрасном банкетном зале Будапештского университета. Их предложение было встречено отказом, тем не менее, их вежливо пригласили принять участие во встрече.

Дом на фото, перед которым стоит компания молодых людей — это вилла Стирлинг в Велеме. Она до сих пор стоит на своем месте. Г-н Стирлинг³ построил виллу для своей дочери перед Второй мировой войной. Правительство Партии скрещенных стрел (нацистская партия), отступая в сторону Германии, провело в этом месте свою последнюю официальную встречу 24 декабря 1944 года. Они спрятали священную корону королей Венгрии в бункере в саду виллы. После войны виллу Стирлинга национализировали и до недавнего времени в ней располагался Культурный центр области Ваш, одна из сохранившихся после коммунистического режима организаций. Некоторое время назад муниципалитет Велема получил это здание в собственность и скоро там начнется реновация. С виллой связано множество историй, так что, после завершения реконструкции⁴, в ней получит место экспозиция неопубликованных документов и фотографий организаций студенческого самоуправления Сомбатхея, Колледжа им. Ласло Немета, а также транскрипты лекций, которые читались во время «Велемских выходных» в 1986–1989 гг.

Три десятилетия спустя: куда двигаться дальше?

Молодым людям, запечатленным на фотографии, не довелось долго наслаждаться «очарованием» Европы. Ощущение эйфории от зарождавшегося и многообещающего процесса развития гражданского общества в Европе, а также его отдельных ярких моментов, таких как Сеть диалога «Восток-Запад», быстро развеялось после одностороннего и безусловного объединения Германии, отставки Горбачева, и начала войны в Югославии.

3 Эмиль Стирлинг (1879–1951) — юрист, член Ордена госпитальеров. В период 1938–1944 гг. построил Стирлинг-виллу в г. Велеме. Активно организовывал общественные мероприятия, что вызвало подозрения властей. За свои монархические убеждения в 1944 году был посажен в тюрьму Шопронкёхида. Правительство Салаша экспроприировало виллу в 1944 году. Сам Стирлинг умер в 1951 году в г. Сомбатхей.

4 Реконструкция виллы будет завершена к осени 2020 года. После ремонта вилла откроется планируемой выставкой.

Завершение Холодной войны, вывод советских войск из стран — бывших сателлитов СССР и распад Советского Союза в 1991 году так и не вывели на орбиту процесс плавного обновления гражданского общества в Европе. Многообещающая программа демократизации общества снизу остановилась, а достижения и нововведения 1980-х годов были объявлены новой политической элитой «несущественными» (Miszlivetz, 1999).

Сейчас, спустя тридцать лет, атмосфера совершенно противоположная, наполненная тревогой, неопределенностью и нарушенными обещаниями. На западе Европы происходит Брекзит, на востоке Россия заняла часть Украины и укрепляет свои военные позиции, на юге располагаются кандидаты и потенциальные кандидаты на членство в ЕС, все более разочаровывающиеся в перспективе вступления. Европа расколота, полна неопределенности и находится посреди линий раздела между Востоком и Западом, Севером и Югом. Неспособная найти адекватные и убедительные ответы на новые тенденции мирового развития и глобальные комплексные вызовы, такие как изменение климата, миграция и разрушение неолиберального мирового порядка, Европа перестает быть мечтой для тех, кто стремился к этой мечте до событий 1989 года и непосредственно после них (Outhwaite, 2013; Laqueur, 2011; Holland, 2015; Zielonka, 2018; Misztal 1993).

Что пошло не так?

События 1989 года (а также социальные, экономические и политические трансформации, последовавшие затем) были переломным моментом: они в корне изменили сферу охвата, размах и масштаб процесса европейской интеграции, а значимость этого процесса распространилась далеко за пределы Европы. Влияние событий тех лет и послы, которые они несли в себе, вышли за границы Европы и открыли новый образ мышления относительно демократии, трансграничной солидарности и возможностей ранее притесняемых сообществ свободно самоорганизовываться и миром разрешать конфликты с теми, кто ранее подавлял их. В 1980-е годы сформировалась новая практика трансграничного сетевого взаимодействия. Это стало настоящей победой диалога, компромисса и консенсуса.

И все же, 1989 год стал сюрпризом для большинства тех исследователей, кто верил в сохранение статус-кво, особенно в кругах американских «кремленологов»; основателей институтов Холодной войны, включая ЕС; а также, что не удивительно, среди консервативно-настроенных лидеров компартий стран социалистического лагеря (Gaddis, 1987, 1997). Несмотря на различия в интерпретациях, все же это была, в некотором роде, мирная революция в моральной и интеллектуальной сфере. Это была смена парадигмы.

Общественные движения внутри стран социалистического лагеря, а также те, которые возникали между Востоком и Западом, сформировали новый язык сотрудничества и функционирования гражданского общества, выходявшего за пределы национальных границ. Во многом благодаря сетевым структурам между Востоком и Западом появилось видение гражданского общества Европы и сформировалась мотивация для его создания. Отчасти это стало победой народных общественных организаций, так называемых «движений снизу»; а слова «солидарность», «сетевое взаимодействие», «ненасилие» были у всех на устах и *де факто* — главными характеристиками этих «движений снизу». Представления о ненасильственной смене авторитарных режимов были отражением и результатом длительного процесса самопознания общества, который протекал в Восточной и Центральной Европе в эпоху «железного занавеса». Его кульминацией стали «бархатные революции» 1989 года, которые в итоге привели к демократизации и развитию горизонтальной кооперации между гражданскими обществами в странах Европы.

Крупные государства и международные институты, однако, не были готовы к этому неожиданному повороту событий и не имели ни общего видения, ни согласованного подхода или плана действий в ответ на изменение статус-кво — также и европейское общество, по большей части, не принимало участия в дебатах об общем будущем. Первоначальное очарование иллюзией быстрых мирных перемен резко сменилось горьким отрезвлением.

Западные державы во главе с США провозгласили победу в Холодной войне над СССР («империей зла», как говорил Рональд Рейган). Экономически и институционально закрепившийся неолиберальный мировой порядок, с тщательно оберегаемой им фрагментированной политической системой государств–наций в качестве эксклюзивной площадки для демократии, дискредитировал и подавил альтернативные подходы 80-х годов. Беспочвенные ожидания, принятие желаемого за действительность, национальный эгоизм и убежденность в торжестве «исторической справедливости» возвращения в Европу, захватили мышление политических элит стран Центральной и Восточной Европы.

Начиная с 1990 года, горизонтальное сетевое взаимодействие, солидарность, гражданское общество, автономия и самоуправление были заменены на институционализированную, формализованную демократию, ограниченную территориями национальных государств. Позиции зарождающейся новой парадигмы гражданского общества были подорваны, и крупные политики неолиберального мира (такие, как Рейган и Тэтчер), СМИ и глобальные институты, такие как Всемирный банк и МВФ (Lomax,

1995; Jensen and Mislivetz, 2006) повесили на нее клеймо «иллюзорной», «бесполезной» и даже «опасной».

Иными словами, старая парадигма вернула свое доминирующее положение после завершения Холодной войны, с падением «железного занавеса». Повсюду начали проявляться непредсказуемые изменения и неконтролируемая неопределенность. Тревога, страх, отчуждение охватили старые демократии с их обширным опытом контролируемой и ограниченной интеграции. Дух «бархатных революций» был развеян ветром евро-атлантизма, как будто его никогда и не было. ЕС проделал отличную работу по восстановлению старой парадигмы. Как писал Лампедуза: «Если мы хотим, чтобы порядок вещей оставался неизменным, нам нужно его изменить» (Lampedusa, 1960).

Интеграция в период после Холодной войны

Европейская интеграция после Холодной войны свела комплексный процесс интеграции к «проекту» измерений и одностороннему навязыванию неопределенных «кондиционалий» сверху. Высокомерие, невежество и безразличие со стороны Старой Европы по отношению к новым государствам, то есть «Новой Европе» («сначала вам следует научиться тому, что такое демократия и рыночная экономика») доминировали в этом процессе. Несмотря на все заявления и обещания, пренебрежение «культурой» (образование, наука, язык, различия в ценностях и целях и т.д.) привело к укреплению отрицательного отношения в целом к сотрудничеству, к недоверию и отсутствию понимания общей ответственности за общее европейское будущее.

К концу первого десятилетия первичного энтузиазма, разочарованная, невежественная и — в лучшем случае безразличная — западноевропейская публика⁵, как предполагалось, должна была интегрироваться с обществами, которые только начали отходить от травм социалистического тоталитаризма, отчасти ведомые нереалистичными ожиданиями, отчасти — безнадежным скептицизмом в собственный адрес и комплексом неполноценности. После недолгого периода «иллюзий», западное и восточное общества продолжили сосуществовать в параллельных мирах. Хотя государственные границы постепенно становились прозрачными, ментальные и культурные границы оставались нетронутыми.

В то же время, страны Центральной Европы были уверены в том, что они «являются частью Европы», не имея ясного представления о том,

5 Например, дважды провалившееся голосование в 2005 году (через год после расширения на Восток) отражает изменившееся отношения западноевропейской общественности к дальнейшей интеграции.

что, собственно, означает эта «принадлежность». Их беспокоило материальное благосостояние, но они практически не интересовались и ничего не знали о быстро меняющейся природе мирового капитализма, его влиянии на социальную сферу, о парадоксах европейской интеграции и европейских институтов. Они не прошли через процесс «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*⁶): другими словами, их причастность к двойным диктатурам не подверглась критическому осмыслению, а элиты этих стран присоединились к европейской интеграции с чувствами победно освободившихся мучеников (в качестве жертв тоталитарного режима), и отчасти рассчитывая на быстрое и легкое обогащение.

Без структурированного и институционализированного диалога, разработки общеевропейской историографии, сильных образовательных и исследовательских институтов; не располагая интерактивными информированными, чувствительными к культурным и социальным проблемам европейских СМИ, в условиях отсутствия хорошо подготовленного политического класса и преданных теме профессионалов и экспертов, готовых к роли посредников, такие слоганы ЕС, как «единство в разнообразии» и «более тесный союз, чем когда-либо раньше», оставались привлекательными для кандидатов на вступление в ЕС, но все слабее воздействовали на более широкую европейскую общественность. Как следствие, в Южной и Восточной Европе возникли первые радикальные левые и правые движения, распространившись также в Западной Европе. Реконструкция Европы была обречена к продолжению с двух разных сторон (и с Запада, и с Востока), каждая из которых имела свои цели и задачи, используя не подлежавшие обсуждению методы (навязываемые в одностороннем порядке) с ожидаемо разными инструментариями и институциональными базами. Неудивительно, что очень скоро обнаружилось, что все пошло не так.

Соответственно, конституционализация Европы провалилась в 2005 году и «допустимый консенсус» о непрерывной интеграции исчез. Попытка исправить это (путем консультаций и переосмысления) не принесла значительных результатов, даже несмотря на то, что Жозе Мануэл Баррозу и Маргот Вальстрём провели ряд встреч с парламентариями и группами гражданского общества в странах-членах ЕС. Их прибытие особо отмечалось новыми членами ЕС — странами «Новой Европы». Вскоре по ЕС ударил мировой финансовый кризис 2008 года, вызвав отнюдь не рост солидарности и продолжение интеграции, а дальнейшую фрагментацию, дезинтеграцию и отчуждение. В результате, раскол между Западом

6 Некоторые страны в процессе демократического транзита (например, Чехия и Польша) предпринимали попытки провести люстрацию, однако, с неопределенными результатами.

и Востоком углубился, и этот процесс дополнился расколом между Севером и Югом и возрождением националистических стереотипов (GREXIT, PIGS). Что парадоксально, парадигма «национального государства» стала победителем в ходе турбулентного и непредсказуемого транзита стран Центральной и Восточной Европы, дополняемого мировым кризисом и неадекватными ответами институтов ЕС на него (Habermas 2013).

В то же время, тень Германии как могущественного старого/нового гегемона заслонила горизонт углубления процесса интеграции. Общества европейских стран тоже продолжали фрагментироваться: в 2009–2011 годах в Венгрии и впоследствии в Польше произошел так называемый «правый популистский переворот». Общественное недовольство по отношению к интеграции под руководством элит, которая дополнялась и поддерживалась неолиберальной доктриной и транснациональными институтами, росло и распространялось на Западе и на Востоке. Правые экстремистские и радикальные националистические движения проникли в большую политику и некоторые из них с 2010 года стали политическими партиями. С этого момента расизм, ксенофобия, антисемитизм в разной степени растут даже в так называемых «стабильных» и «единых» демократических странах (REDs, Philipp C. Schmitter 2011), таких как Германия, Франция и Великобритания. Поиск козлов отпущения стал постоянной и широко распространенной «европейской забавой» по всей Европе, еще более углубляя эпистемологический кризис Европы (Jensen and Mislivetz, 2015).

Европейская мечта сменилась «Европейским кошмаром»?

Самолюбование и наивный дискурс об успехе транзита стран Центральной и Восточной Европы, а также потенциально благоприятных эффектах кризиса для интеграции, который существовал в первом десятилетии 21 века, исчез, не оставив после себя критического осмысления или каких-либо дебатов. Новый дискурс, возникший после неэффективного ответа ЕС на кризисные явления, шел уже в совершенно противоположном направлении. Европейские эксперты (Leonard 2005; Rifkin 2004; Schwimmer 2004⁷), а также общественные институты и аналитические центры не смогли предложить достаточно полного объяснения такому резкому развороту. Неспособность справиться со сложностью вопросов, возникающих из-за неожиданных, резких и быстрых изменений, может быть основной причиной и общим знаменателем этой неудачи.

7 Вальтер Швиммер был Генеральным секретарем Совета Европы в период с сентября 1999 года по август 2004 года.

Турбулентность процесса европейской интеграции после Холодной войны, также известной как «Восточное расширение» или «взрывное расширение», достигла своего пика во время миграционного кризиса 2015–2017 годов, который обнажил все перечисленные выше слабые стороны ЕС. В Европе произошли фундаментальные перемены: ЕС после 2015 года уже ни в коей мере не похож на ЕС времен «восточного расширения». Кризисы вывели на передний план все слабости и недостатки устройства ЕС («Европейский полис») (Schmitter, 2018), а именно — неопределенность в принятии решений, нерешительность лидеров, двойные стандарты и отсутствие общей цели.

«Восстание» оставленной, игнорируемой, отчужденной половины Европы («достойной сожаления», как сказали бы в США) привлекло внимание к их голосу на международном уровне и оживило довольно пустое политическое пространство Европы. От Польши и Венгрии до Франции, Германии и выходящей из Союза Великобритании, его называли и до сих пор снисходительно называют «антидемократическим» и «популистским». Что иронично, история, которая должна была «закончиться» в соответствии с трудами Ф. Фукуямы и его последователей, продемонстрировала те же самые изменения общественно-политического ландшафта и общественного дискурса в США после взлетевшей популярности и неожиданной победы Дональда Трампа, миллиардера и звезды ТВ-шоу. Глубокий раскол в обществе западных стран, очевидно, имеет более глубокие исторические причины, связанные с общей «усталостью» западной цивилизации — темы, которая на протяжении XX века исследовалась философами и историками (Hankiss, 2018).

Новый парадокс Европы

Еще один парадокс Европы — это движения и партии евроскептиков, вдохнувшие новую жизнь в европейскую политику и европейский дискурс.

1) Новое начало после поражения?

Если мы попробуем найти практически применимый и эффективный ответ на этот риторический вопрос, нужно обратиться к трем наиболее существенным вопросам:

- Что в действительности происходило в последние три с половиной десятилетия?
- Почему все происходило именно так, как происходило?
- Есть ли какое-либо рациональное основание для продолжения интеграции и попыток выстроить «европейский проект»?

Вкратце: есть ли способ выйти из существующих на данный момент тупика и неопределенности и, если он есть, то как нужно действовать? Только после того, как мы найдем приемлемые ответы на эти сложные и взаимосвязанные вопросы, мы можем переходить к непосредственным действиям и мерам (то есть реформам и рекомендациям по ведению политики) и начинать определять новые правила игры. Эта небольшая работа может вместить в себя только общий аналитический обзор прошлого и некоторые отдельные предложения по поводу будущих действий.

2) *Утраченная возможность*

Сейчас часто упоминается, что ЕС (ранее, ЕЭС) упустил великую историческую возможность, предоставленную «Годом чудес», распадом Советского Союза и биполярного Ялтинско-Потсдамского мирового порядка. В соответствии с опытом последних 30 лет, можно поспорить по поводу того, был ли ЕС/ЕЭС как сообщество и совокупность институтов, зависимое от НАТО и находящееся под покровительством США, действительно не готов к новой глобальной роли после 1989 года. На уровне государств-членов открывшиеся возможности использовались быстро, например, когда Германия в одностороннем порядке произвела первый шаг в расширении на Восток в 1991 году, объединившись с ГДР во имя «единого Отечества». Это было явным сигналом возвращения парадигмы «национального государства» по отношению к «Общеввропейскому дому», которая противоречила идее глубокой интеграции — официальному слогану ЕС. Это можно считать первым (и, возможно, основным) парадоксом ЕС.

3) *Примирение как основа легитимности европейской интеграции*

Европейская интеграция как проект по поддержанию мира получила серьезный удар после начала гражданской войны в бывшей Югославии, которая давно была кандидатом на вступление в ЕЭС. Признание независимости Словении и Хорватии, сначала Германией, а затем и другими европейскими странами, возвестило о начале новой эпохи международного соперничества и дальнейшей фрагментации без глубокой интеграции в Европейское Сообщество⁸. Альтернативой, которая никогда не обсуждалась, могло бы стать ускоренное принятие Югославии в ЕЭС для того, чтобы ее части могли мирно отделиться в рамках контролируру-

8 Различие, проводимое между «Европой» и «ЕС», особенно в случае стран, долго являющихся кандидатами на членство, является не только результатом бездушной бюрократической узколюбости, но также естественной частью систематического структурированного самообмана.

емого процесса⁹. Поскольку война была спрогнозирована давно, ЕС/ЕЭС действительно упустил свой шанс применить «мягкую силу» в отношении своего соседа и беспомощно наблюдал за почти десятилетним кровопролитием, нанеся региону глубокие травмы.

Беспомощность, отсутствие адекватного лидерства и политической воли снова проявились в свете революционных событий на Украине в 2013–2014 годах, российского вторжения в Крым и конфликта на Донбассе. В обоих случаях, сколько-то эффективные и своевременные ответные меры (во многом спорные и обсуждаемые до сих пор) были предприняты только Соединенными Штатами (иногда напрямую, иногда в рамках НАТО) в форме военных интервенций и экономических санкций. ЕС осудил российскую интервенцию и присоединился к режиму санкций, но одновременно оберегал свои финансовые и экономические интересы (например, Шрёдер и другие европейские лидеры в «Газпроме»).

В случае Югославии, ЕС бросил кандидата на вступление, как и других потенциальных кандидатов на произвол судьбы, увязывая вступление в ЕС с соблюдением жестких условий и угрожая новым государствам-членам (странам «Новой Европы») финансовыми и другими санкциями, если они не будут следовать указаниям Брюсселя. Не было сформировано никакого общего плана долгосрочного развития Юго-Восточной Европы, включая ответственность ЕС за судьбу этого региона. Неэффективные, часто коррумпированные структуры по мониторингу и предоставлению отчетов не смогли предоставить местным сообществам подходящие им пути развития. Недавний случай Северной Македонии и противоречивая

9 8 июня 1988 года государственный секретарь по международным делам, Будимир Лончар заявил членам объединенного правительства Югославии, что в Европе происходят масштабные интеграционные процессы, такие как создание единого рынка, которые требуют адаптации к ним со стороны Югославии. В конце 1989 года Югославия инициировала подписание соглашения об ассоциации. В то время около 70% объемов внешней торговли Югославии приходилось на страны ЕЭС. Французский политик Клод Шессон, член Комиссии Делора, ответственной за политику в средиземноморском регионе и отношения по линии Север-Юг, был крупнейшим сторонником интеграции Югославии наряду с Джанни де Микелисом и министром иностранных дел Германии Хансом Дитрихом Геншером, которые были не против этой идеи. Геншер придерживался такой точки зрения, что Югославия может дополнительно усилить доверие к ЕЭС среди стран, не являющихся членами НАТО, хотя официальные переговоры в то время еще не начались. В мае 1991 года Председатель ЕЭС, Жак Делор, и премьер-министр Люксембурга Жак Сантер предложили Югославии подписать соглашение об ассоциации и соглашение на финансирование структурных реформ на сумму в 4,5 миллиарда долларов. Члены ЕЭС не имели общей позиции по поводу того, какое значение они должны придавать противоречащим друг другу принципам самоопределения народов и территориальной целостности. 25 ноября 1991 года все соглашения о сотрудничестве между ЕЭС и Югославией были разорваны.

реакция ведущих держав ЕС, таких как Германия и Франция, является ярким тому примером.

4) Невежество, высокомерие и «институционализованная амнезия»

На протяжении Холодной войны до 1989–1991 годов, Европейские сообщества и общество западноевропейских стран никак не были связаны со своими восточными соседями: не было нужды во взаимных или односторонних обязательствах, поскольку граница была наглухо закрыта и охранялась советской армией (тогда называвшейся «войсками Варшавского договора») и сложной системой ограничений, называемой «железным занавесом». В результате, страны Центральной и Восточной Европы (тогда сателлиты СССР, сейчас — «новая Европа») привлекали внимание на мировой арене только в случае протестов, забастовок, восстаний, переворотов и революций и впоследствии еще и в контексте успешной пропаганды «гуляш-коммунизма» как доказательства возможности «мирного сосуществования». Как следствие, «бархатные революции» и их последствия стали большим и в каком-то смысле неприятным сюрпризом для западных стран и их политической элиты. Первоначальная реакция была вызвана страхом, неприятием и тревогой, за которыми последовало высокомерие по отношению к бедным и слаборазвитым соседям. Бессилие и политический паралич ЕС стал естественным следствием такого отношения.

5) Наша ноша: История Холодной войны с точки зрения граждан стран Центральной и Восточной Европы

Стремления и опасения обществ постсоциалистических стран не были в достаточной степени приняты во внимание местными, государственными и межгосударственными структурами. Вклад этих стран в развитие европейской демократии и солидарности не считался достаточно ценным для складывающейся европейской идентичности. События 1989 года не могли бы произойти без восстаний в Восточном Берлине (1953), в Венгрии (1956) и без Пражской весны 1968 года, а также успешной деятельности «Хартии-77» и десятилетней успешной деятельности польской «Солидарности», их бесконечного стремления к свободе и достойной жизни. И все же эти события до сих пор не являются частью так называемой «европейской идентичности». Эти великие, героические, проевропейские свершения, основанные на исторически возвращаемых ценностях и стремлениях, являются только частью «институционализованной амнезии Европы». Парадоксально и иронично, что, когда страны Центральной и Восточной Европы восставали против навязанной им власти СССР, они действовали, основываясь на европейских ценностях

(верховенство права, соблюдение прав человека, либеральная демократия и общественная солидарность). Большинство верило в то, что они сражались и были готовы погибнуть не только за свою страну, но и за «Европу» как идею, стремление, набор ценностей и цивилизацию (Kundera 1984).

б) Триумф Запада вместо «Общего европейского дома»

К тому моменту, когда десятилетия борьбы стран Центральной и Восточной Европы завершились, они не смогли осознать, что их идеал Европы уже не существует, а образ «Общего европейского дома» стал дальше, чем когда-либо ранее. Несмотря на данные Западом Горбачеву обещания мирного сотрудничества — в первую очередь, построения «Общего европейского дома» — в СМИ, общественном и научном дискурсе начала формироваться идея «триумфа Запада». Эта самовлюбленная, чрезмерно упрощенная и ошибочная интерпретация произошедших событий нашла воплощение в известной фразе «конец истории» (пусть даже Фукуяма формулировал эту концепцию более детально). Явным, но ошибочным посылом было то, что либерализм, так называемая «либеральная революция» (Dahrendorf, 1990), одержал верх благодаря Западу во главе с Соединенными Штатами. Невежество и высокомерие Запада снова придали странам Центральной и Восточной Европы статус полу-периферии. Неудивительно, что в большинстве своем общество стран Центральной и Восточной Европы не почувствовало каких-либо изменений (как говорится в известной шутке: «Социализм для нас был всего лишь долгим и болезненным переходом от капитализма к капитализму»¹⁰).

Еще одним, более серьезным и сложным для излечения результатом «триумфа Запада» стало отчуждение постсоветской России. Несправедливое отношение западных лидеров в Горбачеву после одностороннего вывода ядерного оружия и советских вооруженных сил с территории части бывших сателлитов к концу 1991 года вызвало значительное недовольство у российской общественности, что стало основой для агрес-

10 См. также: Pew Research Centre. European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/> (accessed 23 January 2020). или European Commission: 25 years after the fall of the Iron Curtain. The state of integration of East and West in the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. Available at: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/east-west_integration.pdf (accessed 27 January 2020) или Lan Bui-Wrzosinska: States of Change: Attitudes in East and Central Europe 30 Years after the Fall of the Berlin Wall. Open Society Foundations. 2019. Available at: <https://www.opensocietyfoundations.org/publications/states-of-change-attitudes-in-central-and-eastern-europe-30-years-after-the-fall-of-the-berlin-wall> (accessed 27 January 2020).

сивных заявлений о восстановлении «утраченного престижа» и «глобального влияния» сверхдержавы. Это привело к восприятию Горбачева как предателя российских интересов многими гражданами России, а также, по мнению многих, к возобновлению наращивания вооружения и активизации внешней политики РФ, ассоциируемых с правлением Путина.

Недавнее напряжение отношений между США и ЕС по вопросам безопасности и роли НАТО может стать шансом заново сформулировать европейскую безопасность и политику по отношению к соседям, вернуться за стол переговоров вместо введения неэффективных санкций и осуждения, отражающих узколобое высокомерие и двойные стандарты без наличия реального понимания, силы и политической воли. У Европы все еще есть шанс и, возможно, задача вернуться к заброшенной идее «общего европейского дома» и транснациональной демократизации под эгидой Европы. Движение по этому пути, впрочем, не может быть и не будет легким и быстрым. Его условия и возможные последствия серьезны и должны быть тщательно обдуманы и проанализированы. Этот процесс обдумывания предполагает отход от интеграции, ведомой элитами, и поиск новых форматов диалога между равными партнерами, основанного на взаимном уважении и долгосрочных интересах.

7) Глобальная анархия вместо монополистического мирового порядка

«Триумф Запада» — это неверная интерпретация катаклизменных и исторических перемен за которой последовали неправильные выводы для определения дальнейших действий, в целом не способствовавших общемировому развитию. Она не помогла двум частям Европы запустить новый процесс интеграции с явным пониманием ее цели, методов и распределения обязанностей. Она не помогла Соединенным Штатам усилить свою позицию в качестве глобального лидера и не помогла другим регионам и континентам, которые ориентировались на европейскую модель региональной интеграции и мирного сотрудничества (таким как Меркосур, Африканский Союз и др.). Единственным актором, который извлек выгоду из растущей мировой анархии и неопределенности, стал Китай, который успешно сочетал худшие проявления «дикого капитализма» с авторитарным государственным социализмом/капитализмом.

Мировой финансовый кризис 2008 года продемонстрировал все скрытые слабости европейского проекта, а именно отсутствие качественного руководства, неспособность быстро и решительно реагировать на чрезвычайные ситуации, отсутствие полноценной транснациональной солидарности в случае угрозы обрушения экономики страны-члена ЕС (кризис евро в сочетании с экономическим кризисом в Греции и угрозой выхода этой страны из ЕС); однако, что наиболее

важно, Европа вернулась к парадигме «национального государства» и застряла в ней. Какой бы крупной и экономически развитой ни была Германия в сравнении с большинством других членов ЕС, ее непосредственные интересы в области экономики и собственной стабильности не могут смешиваться с общими европейскими ценностями. Ее экономическая политика не может быть навязана другим государствам-членам. Впервые после Второй мировой войны действуя в статусе «первого среди равных», Германия последовательно совершила неправильные действия и дала неправильные сигналы по отношению к другим членам ЕС. Навязывание политики жесткой экономии и недемократический процесс принятия решений посредством «тройки» (Европейская комиссия, Европейский центральный банк, МВФ) подорвали ее образ «политически сдержанной» страны и привели к новым разногласиям и конфликтам, в то же время укрепив старые клише и предубеждения внутри европейского сообщества. Старый «германский вопрос» вновь был поднят в новых условиях: Германия слишком велика в масштабе Европы и слишком мала в мировом масштабе.

30 лет спустя: Борьба за душу Европы и за «наших лучших ангелов»

Первый этап борьбы за душу Европы выиграл мир неолиберализма и его «стражи»: Всемирный банк, МВФ, ВТО, Европейский центральный банк, сама Европейская комиссия и дружественные неолиберальному порядку национальные государства. Эта необычная неолиберальная политико-экономическая парадигма получила серьезный импульс в 1989 году и доминировала до недавних пор. Трансграничная солидарность сменилась государственным эгоизмом и превалированием глобальных и региональных интересов, бесконтрольно переплетающимися между собой. В 1989 году и раньше был очень популярен лозунг «Не может быть свободы без солидарности», а 30 лет спустя лидер «Солидарности» Збигнев Бюак разочарованно заявил «Нет никакой солидарности в свободе» на платформе Международного летнего университета в Кёсеге, в июне–июле 2019 года.

После серии кризисов, эффекты которых накапливались и переплетались между собой, ранее не подвергавшаяся сомнению неолиберальная парадигма, на которой была выстроена концепция «конца истории», начала сдавать свои позиции, спровоцировав эрозию неолиберального мирового порядка. За десять лет между 2005 и 2015 годом он потерял значительную часть привлекательности и доверия к себе в Европе и во всем мире, особенно после экономического кризиса 2008 года. Протесты национальных, региональных и мировых общественных движений («За-

хвати Уолл-стрит» — *Occupy Wall street*, «Захвати Европу» — *Occupy Europe*, «Индиньядос» — *Indignados*, «Подemos» — *Podemos* и недавние движения против изменения климата) начали демонстрировать все более антидемократическую и элитарную природу неолиберального мирового порядка и либеральной демократии.

В нынешнюю эпоху «Великого междуцарствия» (Bauman, 2012) и «Новой эры неопределенности» (Hankiss, 2018) мировая система не в состоянии восстановить внутренний баланс и, как следствие, фрагментация и дезинтеграция происходят параллельно с противоположными тенденциями, а именно попытками продолжить интеграцию и наднациональную демократизацию. В этой достаточно хаотичной ситуации возникают так называемые «черные лебеди» и вопросы без ответа. В новую эру неопределенности новые акторы неожиданно выходят на мировую арену. Те игроки, которые еще недавно считались незначительными, неожиданно приобретают вес и влияние. Исход процессов глобальной трансформации пока непредсказуем для нас.

Ослабление и внутренняя пустота западной цивилизации оставили за собой вакуум. После 1989 года европейская интеграция продолжилась без определенного лидерства или видения, основанного на общей цели. После кризисов, новые инициативы, запущенные европейскими элитами ради «спасения души Европы», не достигли значительного успеха. Борьба между парадигмами пока не принесла никаких окончательных результатов: либеральные демократии стали жертвами собственной уверенности (Runciman, 2015) и едва ли выйдут из этого состояния. Националистические и популистские правые и левые движения тоже находятся в парадоксальной ситуации: они не могут самостоятельно предлагать решения существующих проблем; они нуждаются в европейской политической арене, правовой, институциональной и экономической базе для того, чтобы их движения могли успешно существовать и быть заметными. За гибелью демократий обычно следует рождение нового вида демократии. По позитивному сценарию, на смену либеральной демократии придет постлиберальная гражданская демократия (здесь автор цитирует заявление Филиппа Шмиттера от 2018 года в несколько измененном виде).

Среди многих неожиданно возникших акторов «Великого междуцарствия» мы можем выделить трансграничные глобальные и региональные движения, отдельных интеллектуалов, сетевые структуры экспертов, города и региональные объединения правительств. В Европе таким новым объединением являются страны Центральной Европы («Вишеградская четверка +», как ее называют сейчас). Центральная Европа как структура и как осознание культурной близости и полити-

ческой солидарности сыграла важную, системо-преобразующую роль в период Холодной войны. Во многом она стала географической и культурной базой для конкретных совместных действий. На протяжении десятилетий после 1989 года, прошедших в рамках неолиберальной парадигмы, единственным легитимным и признанным актором оставалось национальное государство. Любые формы негосударственного, трансграничного сотрудничества считались ненужными, обусловленными исключительно идеологией, и потому практически не получали внимания. После длительного периода сомнений и подготовки, совсем недавно «Вишеградская четверка» приобрела некоторую значимость в контексте остановки европейской интеграции и растущей мировой нестабильности. «Новая Европа» стремится к тому, чтобы оправдать свое имя, и может стать одной из ведущих сил в гипотетическом обновлении Европы. *Nomen est omen.*

Новый европейский парадокс?

В свете нестабильности последнего десятилетия сложился новый европейский парадокс. Возник вопрос, не является ли популизм предвестником обновленной европейской демократии. В контексте нынешней глобальной анархии и остановившейся европейской интеграции ЕС больше не может игнорировать историю Центральной Европы, её ценности и стремления. Выборы в Европейский парламент 2019 года привели к неожиданному для европейской политики прорыву. Впервые после Холодной войны, конфликты и интересы привлекли широкую международную аудиторию. Парадоксально, но именно благодаря инновационному подходу и языку правых партий и движений на общеевропейском уровне появилась политика: другими словами, неожиданным следствием действий популистов стало существенное продвижение процесса транснациональной демократизации через открытие европейского политического пространства. Европейская общественность сейчас более информирована о внутренней политике, политических целях и мировоззрении «маленьких и отдаленных стран», чем когда-либо ранее. Eurobarometer, PEW и другие общественные опросы демонстрируют, что сейчас граждане ЕС связывают себя с ЕС и нуждаются в европейских институтах больше, чем когда-либо раньше (PEW 2019; Eurobarometer 2019). Это парадоксально, но популизм, в итоге, только усилил ЕС и процессы наднациональной демократизации. Короче говоря, открытый политический конфликт оказал конструктивный эффект.

Постлиберальная гражданская демократия и «Центрально-европеизация» Европы

Различные новые роли, которые может играть Центральная Европа («Вишеградская группа +») как внутри ЕС, так и в переговорах между ЕС и кандидатами на членство или их соседями, могут стать новым импульсом для европейской интеграции. Потенциальное увеличение динамики может сформулировать новое определение методов строительства европейского проекта, новым экспериментам в политической и публичной сфере и полному переосмыслению этих сфер в постлиберальной гражданской демократии. Между бесконечным Брекзитом и замороженным конфликтом России и Украины, устойчивость и креативность стран Центральной Европы могут указать новые пути (и, возможно, действенные решения) к иному, не такому мрачному будущему. Дух и послы событий 1989 года и «бархатных революций» могут вновь проявиться в более сложных и менее оптимистичных обстоятельствах современного мира, вернув надежду, сотрудничество и солидарность в Европе и за ее пределами. Как это детально сформулировали в своем недавнем эссе Эмиль Брикс и Эрхард Бусек, «центрально-европеизация» Европы может привести нас к новой форме давно забытой идеи Горбачева и возродить стремление к «Общему европейскому дому» (Busek-Brix, 2018).

Наши шансы выстоять в глобальной анархии новой геополитики

Мировая система (включая все ее основные компоненты) утратила возможность поддерживать равновесие. Она либо трансформируется в качественно новую систему, либо погрузится в хаос. В своей неопределенности система не может ограничить деятельность новых, ранее незначительных акторов, или делает это в существенно меньшей степени. Это дает возможность для более активной публичной и политической деятельности как в позитивном, так и в негативном контексте. То, что происходит сейчас, Валлерстайн называл «относительной свободой воли» (Miszlivetz, 2010). Это дает нам и другим странам редкую возможность действовать, выбирать лучшие решения, хотя и не означает, что мы вот уже совсем скоро создадим «дивный новый мир» — наш успех не гарантирован. Нам необходимо совместно проявить политическую волю, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью. Нельзя предсказать, будет ли позитивным итог взаимодействия и взаимодействия тысяч движений, инициатив, коалиций и отдельных акторов. Демократии, свобод, человеческого достоинства может стать как больше, так и меньше.

Если ЕС собирается стать значимой действующей силой, стремящейся к более демократичному, справедливому и равному миру, европейцам нужно уметь справляться с невероятными трудностями и противодействующими тенденциями. В настоящее время перспектива реализации позитивного сценария выглядит туманно. Центробежные тенденции пока выглядят более сильными, и внутри Европы пока преобладает дезинтеграция и отсутствует согласие по поводу дальнейшей интеграции. Без движения в сторону нового вида демократии, то есть постлиберальной гражданской демократии, которая расширяет охват и масштабы демократического процесса принятия решений (Schmitter, 2018), у нас не будет шанса действовать как единое большое сообщество, чтобы двигаться к стабильному будущему. Лучшее понимание потенциала Европы в процессе трансформации мировой системы предполагает европейскую «Новую сделку», основанную на европейском «Новом социальном контракте» (Holland 2014). Это потенциальный общий знаменатель, который может связать Восточную, Западную, Южную и Северную Европу. Это цель, вокруг которой Центральная Европа может снова выстроить свое чувство принадлежности к Европе. Нам нужно воззвать к лучшим ангелам нашей природы (Meacham 2018), чтобы понять и принять, что между нами больше общего, чем различного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bauman, Z* (2012) Times of interregnum Ethics and Global Politics 5 (1): 49-56.
- Brix, E and Busek, E* (2018) Mittel-Europa Revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa unterschieden wird. Wien: Kremayr & Scheriau.
- Bui-Wrzosinska, L* (2019) States of Change: Attitudes in East and Central Europe 30 Years after the Fall of the Berlin Wall. Open Society Foundations. Available at: <https://www.opensocietyfoundations.org/publications/states-of-change-attitudes-in-central-and-eastern-europe-30-years-after-the-fall-of-the-berlin-wall> (accessed 27 January 2020)
- Bujak, Z* (forthcoming 2020) Social Agreement as a Phenomenon of European Culture. IASK Workingpaper. Kőszeg: Institute of Advanced Study.
- Dahrendorf, R* (1990) Reflections on the Revolution in Europe. London: Times Books.
- European Commission: 25 years after the fall of the Iron Curtain. The state of integration of East and West in the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. Available at: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/east-west_integration.pdf (accessed 27 January 2020)
- Gaddis J L* (1987) The Long Peace. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Gaddis J L* (1997) We Know Now. Rethinking the Cold War History. Oxford: Oxford University Press.
- Habermas J* (2013) The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge: Polity Press.
- Hankiss E* (2018) Quantum Theory and the Meaning of Life. IASK Workingpaper. Kőszeg: Institute of Advanced Study.
- Holland S* (2014) Europe in Question and what is to do about it. Nottingham: Spokesman.

- Jensen J and Miszlivetz F* (2006) The Second Renaissance of Civil Society in East Central Europe – and in the European Union. In Peter W (ed.), *The Languages of Civil Society*, New York, Oxford: Berghahn Book: pp. 131-158.
- Jensen J and Miszlivetz F* (eds.) (2015) *Reframing Europe's Future*. London and New York: Routledge.
- Kerekes S* (2018 March) Kergetjük a lehetetlent. A fenntartható fejlődés vad probléma, de szelíden lehet és érdemes. *Magyar Minőség* 27 (3): 5–13.
- Kundera M.* (1984 Apr 26) The tragedy of Central Europe *The New York Review of Books* (pre-1986): 33.
- Lampedusa G T* (1960) *The Leopard*. Pantheon Books, New York: 31.
- Laqueur W* (2011) *After the Fall. The End of the European Dream and the Decline of a Continent*. New York: St. Martin' Press.
- Leonard M* (2005) *Why Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate.
- Lomax B* (1995 March) The Strange Death of Civil Society in Post-Communist Hungary. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*, Vol 13, No. 2.
- Meacham J* (2018) *The Soul of America: The Battle for Our Better Angels*. New York: Random House.
- Miszlivetz F* (2015) The post-Euromaidan future for Europe. In: Jensen, J and Miszlivetz, F (eds.) *Reframing Europe's Future: Challenges and failures of the European construction*. New York: Routledge, pp. 249–259
- Miszlivetz, F* (2010) We are in the Situation of Relative Free Will. A Conversation with Immanuel Wallerstein. *Society and Economy* 32 (1): pp. 137–148.
- Miszlivetz F* (1999) *Illusions and Realities*. Szombathely: Savaria University Press.
- Misztal B A* (1993 August) Understanding Political Change in Eastern Europe: A sociological perspective: *Sociology* 3: 155–167.
- Outhwaite W* (2013 May) The Crisis of the European Union: A Response by Jurgen Habermas. *Theory Culture & Society* 30(3): 128–131.
- Pew Research Centre (2019) *European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism*. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/> (accessed 23 January 2020).
- Rifkin J* (2004) *The European Dream*. Cambridge: Polity.
- Runciman D* (2015) *The Confidence Trap: A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Schmitter P.C.* (2011) The Future of 'Real-existing' Democracy. *Society and Economy* Vol. 33, No. 2: 399–428.
- Schmitter P.C.* (2018) 'Post-Liberal' Democracy: A Sketch of The Possible Future? *Instituto Universitario Europeo*. <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/SPS/Profiles/Schmitter/2018/Post-liberal-Democracy.draft.pdf>
- Schöpflin G* (2015) Europe: An Epistemological Crisis. In: Jensen J and Miszlivetz F (eds) *Reframing Europe's Future: Challenges and failures of the European construction*. Routledge. London and New York: 7–18.
- Schwimmer W* (2004) *The European Dream*. London and New York: Continuum.
- Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union – best results in 5 years. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (Accessed: 28.01.2020)
- Zielonka J* (2018) *Counter-Revolution. Liberal Europe in Retreat*. Oxford: Oxford University Press.

1989 — 2019: Thirty Years after: Re-Enchanting Europe?

Author. Ferenc Miszlivetz., Professor of the Hungarian Academy of Sciences, Doctor in sociology, founder and Director general of the Institute of Advanced studies in Köszeg. Address: H-9730, Hungary, Köszeg, Chernel st. 14. E-mail: info@iask.hu

Abstract. This paper focuses on the complexities created by the interlinked and complex processes of Central-European transitions that arose as the result of integration into the EU and the undermining influence of turbo-capitalism. During the decades before and after the Annus Mirabilis, 'Europe' and European integration were the models for peaceful regional integration worldwide. Due to the lack of a common vision for the future in "old" and "new" Europe, and due to unexpected internal and external challenges, and increased global uncertainties, the European dream gave way to a common European frustration. Evaluating the transformations of the past three decades, the question remains whether Europe can avoid further disintegration and gain back its role as a model for regional cooperation. Could this provide a window of opportunity for a more important role for Central Europe?

Key words: solidarity, Central European co-operation, integration, common European home, nation-state paradigm, European civil society, uncertainty, transformation.